

С.С. Прокофьев

Автобиография

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 78
ББК 85.31
П80

П80 **Прокофьев С.С.**
Автобиография / С.С. Прокофьев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 598 с.

ISBN 978-5-458-28671-8

ISBN 978-5-458-28671-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗВИНИТЕЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

С чего начать?— Улыбнемся хотя бы и старому анекдоту.

— Как чудно я играл сегодня!— сказал артист приятелю.— Как вдохновенно лилась мелодия, как безупречно выходили пассажи!

Говорил он долго, минут пятнадцать, затем законфузился и воскликнул:

— Простите меня, это совершенно неприлично: я все время говорю о себе. Поговорим о чем-нибудь другом. Теперь вы расскажите что-нибудь. Ведь вы были в зале. Ну, например, расскажите как *вы* нашли мой сегодняшний концерт!

Этот анекдот приходит мне в голову, когда я сажусь за автобиографию. Стоит ли писать биографию о себе, да еще длинную? Конечно, не стоит. Горе лишь в том, что не напишу я, напишут другие и, вероятно, напутают. Напутают самым добросовестным образом. Если так можно выразиться: добросовестно наврут; то есть без дурной мысли, а по недостатку сведений, на основании логических предпосылок.

В конце концов пусть и насочиняют. Это не так страшно, и музыка моя от этого не станет хуже. Но тут есть другое. У меня сохранилось довольно много материалов — дневников, писем, записных книжек. И вот эти материалы мне ужасно не хочется отдавать на растерзание. При разборке их у меня большое преимущество: я много вижу между строк, чего не может заметить самый дружественный биограф. Так, иногда, при неудаче, в дневнике написано: не вышло — не надо. А на самом деле на душе скребутся кошки. Или записан какой-нибудь разговор. Но при чтении его я вспоминаю целую цепь обстоятельств, гораздо более интересных, чем самый разговор.

Как случилось, что у меня накопилось столько материалов? Склонность к записыванию была мне свойственна с самого детства, и она поощрялась родителями. В шесть лет я уже писал музыку. В семь, научившись в шахматы, завел тетрадку и стал записывать партии; первая из них — полученный мною «пастушеский» мат в четыре хода. В девять лет писались истории боевых оловянных сол-

датиков с учетом потерь и диаграммами передвижений. В двенадцать — я подсмотрел, как мой профессор музыки писал дневник. Это показалось совершенно замечательным, и я стал вести свой собственный, под страшным секретом ото всех, иногда записывая события, сидя в уборной. Затем мать подарила толстую переплетенную тетрадь, сказав:

— Сергушечка, пиши в нее все, что приходит в твою голову: пусть ничего не пропадает.

Я писал туда театральные пьесы, результаты состязаний на ходулях, способы вычисления боевого коэффициента военных судов и изобретаемые мною алфавиты. Последнее — чтобы зашифровать дневник.

Дневник просуществовал полгода и был оставлен. В тринадцать лет поступление в консерваторию принесло столько новых впечатлений и контактов (еще бы, до тех пор я почти не имел товарищей), что я вновь ухватился за дневник, но вскоре бросил за невозможностью поспеть за событиями. В шестнадцать лет — третье возвращение к дневнику. На этот раз стали мелькать молодые девушки из консерватории: казалось страшно важным ничего не пропустить. Около того же времени я стал сохранять получаемые письма и черновики или копии отправляемых, подбирать их в хронологическом порядке и переплетать по годам. В двадцать один год, прочтя «Летопись» Римского-Корсакова и большую биографию Чайковского и чувствуя себя композитором, которым начинают интересоваться, я решил, что со временем напишу свою автобиографию. Кто-то сказал при мне:

— Я обязал бы всех знаменитых людей писать свои автобиографии.

Я подумал: а у меня и материал уже есть, остается стать знаменитым. И мысленно решил: лет в сорок я насочиняю столько, что захочется отдохнуть, и вот тут-то можно будет взяться за биографию. Но к сорока годам исчезло фанфаронство молодости, взгляд на жизнь сделался умнее, и встал вопрос: да стбит ли так много и пространно говорить о себе? К этому времени пропал интерес к ведению дневника и сам собою побледнел вопрос об автобиографии.

Но что сделать с материалами? Оставить? Кинуть? Может, в том-то и величие Гоголя, что он сжег свои рукописи! Что он посмел их сжечь. Точнее: не тот ли способен создавать шедевры, кто готов, не моргнув, уничтожить свою работу, если право на существование этой работы для него не ясно? Я колебался.

Победили два аргумента: в моей жизни были достижения, а потому автобиография моя может послужить кому-нибудь на пользу. И второй: я встречал много замечательных людей, и рассказы о них могут быть интересны.

Часть первая

ДЕТСТВО

1

Мой отец Сергей Алексеевич Прокофьев родился в Москве 8 июля 1846 года. 8 июля — это по старому стилю; для нового в том столетии прибавлялось двенадцать дней, и, следовательно, выходило 20 июля. Но это число ничего мне не говорит — в детской памяти осталась дата 8 июля: в этот день приезжали гости и поспевала первая дыня. Если она поспевала раньше, то ее берегли до торжественного дня; если опаздывала, то говорили, что дыня подвела.

Отец родился на два года позднее Римского-Корсакова, прожил столько же лет, сколько и он, и умер на два года позднее его. Таким образом, можно сказать, что я по возрасту Римскому-Корсакову «в сыновья годился».

У меня сохранилось мало сведений о родителях моего отца. Они умерли, когда отцу минуло четырнадцать лет, я же был поздним ребенком — отцу было почти сорок пять, когда я родился. Прошло без малого полвека от их смерти до той поры, когда я стал сознательно относиться к окружающему, а потому естественно, что к этому времени у моего отца поблекла память о них и имена их вышли из семейного обихода. Сейчас я, например, с удивлением констатирую, что не знаю ни имени, ни девичьей фамилии моей бабушки. Деда звали, кажется, Алексеем Никитичем. Прокофьевы были люди с достатком, но едва ли очень культурные. Кажется, они владели небольшою фабрикой.

В 1860 году родители отца умерли в один и тот же день от холеры, гулявшей в те годы по Москве. Тела их лежали рядом на столе. После их смерти остались: мой отец четырнадцати лет, его брат Петр одиннадцати лет и старшая сестра Надежда, бывшая уже замужем за Михаилом Смирновым, от которого она имела четырех дочерей: Надежду, Екатерину, Марию и Анну; часть этих детей, вероятно, родилась позднее. Я знал их, когда они были дамами среднего возраста — это были приятные, но мало интересные люди. Интересно, однако, следующее: так как старшая сестра моего отца вышла рано замуж, рано имела детей и дочери ее тоже не засиделись в девках, то до моего рождения

успело промелькнуть по этой линии целых два поколения, так что в семь лет я имел внучатых племянников и не без важности называл себя дедушкой.

После смерти родителей мой отец и его брат попали в семью Смирновых. Оба мальчика учились в коммерческом училище. Но тут сказалась разница в характере обоих. В то время как старший, Сергей, с любовью относился к учению, младший, Петр, стремился поскорее окончить его, чтобы начать самостоятельную жизнь, для которой у него было много планов. Планы эти не удались: в начатом им коммерческом деле он прогорел и остальную жизнь был управляющим делами своих племянниц, сестер Смирновых. Это был не слишком тонкий, но милый человек, мой крестный отец, который дарил мне золотые монеты на рождение и именины.

Тем временем мой отец, не удовлетворившись коммерческим училищем, перешел в реальное, а затем в университет. При выборе специальности у него были колебания. Одно время он хотел быть доктором, привлекала его также химия. Выбор остановился, однако, на Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии под Москвой, чему немало способствовал хорошо оборудованный химический кабинет при академии. В имевших место студенческих волнениях отец непосредственного участия не принимал, но при последовавших репрессиях не выдал товарищей, за что понес кару: не то был арестован, не то не получил всех прав при окончании академии, что произошло в начале семидесятых годов. Во всяком случае, это произвело на него впечатление, и в дальнейшем он всегда старался избегать каких-либо трений с властями.

2

Между тем в семье Смирновых подрастали четыре племянницы, и пока серьезный и уже отпустивший себе бородку студент сидел, склонясь над книгами, из соседних комнат раздавался смех гимназисток и их подруг. Судьба свела четырех сестер Смирновых с семьей Житковых, где было тоже четыре девушки: Варвара, Мария, Екатерина и Татьяна. Одна из них впоследствии стала женой моего отца и моею матерью.

Житковы происходили из крестьян Тульской губернии, деревни Серебряные Пруды, что рядом с Ясной Поляной, имением Льва Толстого. Дед моей матери, Никита Андреевич Шилин, за строптивый нрав был отправлен в Саратовскую губернию, где попал в число крепостных графа Шереметева. Но уже сын его Кирилл появляется в Петербурге хранителем кладовых с ценными металлами (золото, серебро) в доме Шереметевых на Фонтанке. За ним переезжают в Петербург два других брата, Павел и Григорий, последний — мой дед. По невыясненным причинам они принимают фамилию Житковых — от слова жито, рожь, тогда как саратовские братья остаются Шилиными. Дед мой Григорий Никитич

*Сестры Житковы,
Мария и Екатерина. 1867*

(брат его Павел прожил до ста лет) тоже сначала работает в доме Шереметева, потом, вероятно по освобождении крестьян, попадает мелким служащим в Зимний дворец, затем работает как стряпчий, то есть как ходатай по судебным делам без адвокатского диплома. На портрете он выглядит суровым аскетом раскольниковьего склада. Говорят, его не очень любили.

Совсем другого рода была его жена Анна Васильевна, рожденная Инштетова. Это была добрая и приветливая женщина, у нее были тонкие черты лица, красивые руки, маленькая нога. По преданию, Инштетовы происходили от шведского графа Инстедта, иммигрировавшего в Россию¹. Если это точно, во мне должна быть шведская кровь, вероятно, в размере одной шестнадцатой доли против пятнадцати русских.

Дела Григория Никитича Житкова шли неважно, семья была большая, бедность такова, что одна из пяти дочерей, Ольга, уже будучи подростком, отравилась. Отравилась не из-за неудачной любви, а от тягот нищеты. Семья переезжала то в Москву, то в Петербург. Часто Григорий Никитич жил отдельно. Тем не менее тянулись в люди: две девочки, Мария и Екатерина, учились в гимназии, две другие учились дома как могли.

Однажды, когда удалось сделать новые платья, всё семейство отправилось на дачу в гости, но подошедший паровоз пустил струю густого

маслянистого пару, и платья погибли. Об этом происшествии мать рассказывала мне лет через пятьдесят, но огорчение было так сильно, что даже через пятьдесят лет она не могла вспоминать об этом спокойно.

В Москве гимназистки Житковы подружились с гимназистками Смирновыми. Семья Смирновых, у которых дом был полной чашей, поглядывала свысока на бедноту Житковых, не замечая, что последние были много тоньше и развитее, чем они. А может, именно это обстоятельство бессознательно привлекало барышень Смирновых к Марии и Екатерине Житковым. Мария была весела и остроумна, Екатерина — хороша собой и ангельской доброты. Барышни Смирновы, по-видимому, не блистали ничем.

Вся эта молодежь шумела в доме Смирновых и мешала заниматься студенту Прокофьеву, который сердито поглядывал на девчонок. И девчонки побаивались его сурового вида и его бороды и золотых очков. Но годы шли, и когда Мария Житкова окончила гимназию с золотой медалью, она подошла к студенту Прокофьеву, тоже окончившему свою академию, и, заложив руки за спину, заявила:

— Сергей Алексеевич, а я вас больше не боюсь!

С этого начался роман.

<Фразы и разговоры, цитируемые в этой автобиографии, совершенно точны или почти точны. Некоторые из них были записаны в тот же день, другие отчетливо запомнились. Есть и такие, которые были записаны позднее или в сокращенном виде. В этом случае смысл и главные выражения точны, но неточны второстепенные слова. При передаче длинных разговоров могут встретиться неточности в последовательности. Фразу, только что цитированную, я слышал несколько раз от матери, каждый раз одинаково выраженную, точно формулу.>

3

Подруга моей матери так описывает ее²:

— Когда я поступила в пятый класс гимназии, Манюша Житкова сразу привлекла мое внимание: она была общительна, остроумна, окружена свитой подруг, среди которых была застрельщицей и над которыми любила доминировать. Это обстоятельство разъединило нас, так как я не хотела подчиняться. Мы подружились позднее и не раз расходились. Манюша не была красива: у нее был вздернутый носик, припухшие губки, верхняя челюсть немного выдавалась, волосы были прямые и стриженные. Похорошела она позднее, после первого ребенка и после тифа, когда волосы стали виться. Но и раньше у нее была хорошая фигура, маленькая ножка, которую она любила выставлять, и свежий цвет лица, а главное, ум и живость. Она хорошо танцевала, но своего будущего мужа заинтересовала интеллектуально.

*Моя мать, снята в
Петербург в 1876 г.*

*Ольга Юрьевна Слеская,
мамина подруга.*

Как протекал роман? Об этом мало сохранилось сведений, но, вероятно, не совсем гладко. Во-первых, семья Житковых опять переехала в Петербург, а отец, кончив учиться, купил себе небольшое имение в Смоленской губернии и уехал туда хозяйничать. Встречи стали труднее. Во-вторых, семья Смирновых очень любила живых и веселых сестер Житковых, пока они были их подругами и оживляли дом; но когда оказалось, что первенец и надежда семьи хочет жениться на бесприданнице, — нет уж, извините, они откровенно предпочли, чтоб в этих ролях оказалась девушка обеспеченная, которая не только вошла бы в дом, но и внесла что-нибудь в него.

В этом была даже некоторая надобность, и вот почему. Учение в сельскохозяйственной академии естественно предопределяло жизненные планы моего отца. Окончив образование и получив на руки небольшой капитал, завещанный родителями, — затрудняюсь сказать, сколько это было, предположим тысяч пятнадцать золотых рублей, — отец купил

себе свою Николаевку и решил приложить на деле приобретенные познания. Но для того, чтоб хозяйничать по-новому, требовались расходы: надо было покупать машины, возводить постройки, имение же было маленькое, с почвою не слишком плодородной и доходов не приносило. Была надежда на товарища, уехавшего в Китай осуществлять блестящие планы и взявшего денег у отца, чтобы потом доход делить пополам. Но товарищ не писал и доходов не присылал. Не написал он никогда, оставив надолго царапину в отцовском сердце.

У меня сохранился один документ, относящийся к тому времени: письмо матери к отцу от 10 ноября 1876 года, когда они были помолвлены, но препятствий к свадьбе предвиделось много. Глядя на него, мне странно и трогательно представлять свою мать молоденькой влюбленной девушкой, видеть этот еще не сложившийся полугимназический почерк, в котором проглядывают зачатки будущего ее почерка, красивого и энергичного и такого знакомого! Пускай он еще не сложился, но характер сложился вполне: письмо полно и любви, и сарказма, и ссылок на, рассудок, и цитат, и главное — неудержимой устремленности.

«Я, кроме себя, к горькому сожалению, тебе ничего не даю и от тебя желаю того же. Как прежде, так и теперь повторяю, что меня не манит твое будущее богатство, мне оно противно, потому что теперь разлучает меня с тобой...»

И в заключение письма, как подозрение относительно причин его колебания, — цитата, немного перевранная, из Грибоедова:

«Что скажет свет? Что скажет мне про то княгиня Марья Алексевна!»³.

Да, препятствия были, но любовь была сильнее. И несколько месяцев позднее все благополучно завершилось свадьбой: 25 апреля (7 мая) 1877 года они были повенчаны⁴. Не без тайной гордости мне хочется отметить: в своей семье моя мать была самой интеллектуальной; то же в своей семье был отец. И по взаимному влечению произошел отбор.

4

Счастливая пара устроилась в Николаевке Смоленской губернии. Отцу было тридцать лет. Сколько лет было матери, в точности не известно. Она всю жизнь скрывала возраст и делала это так искусно, что после смерти в паспорте оказалось лет на пятнадцать меньше, чем в действительности. Лишь косвенным путем, расспросами и сравнениями, мне удалось установить, что она родилась в 1855 году в Петербурге. Я думаю, больше чем на год я ошибиться не мог⁵. Родилась она 25 декабря, в первый день рождества по старому стилю, то есть 6 января по новому, что составляет добавочное затруднение в определении года: по разным стилям год выходит разный. Ко дню свадьбы ей пошел, вероятно, двадцать первый год.

Отец был высокого роста, с большой черепной коробкой, иконописным носом суздальского писания и четырехугольно подстриженной светлой

бородкой, даже бородой. Очки придавали ему серьезный вид, но даже в старости он сохранил способность смеяться неудержимо, как дитя.

Перед свадьбой он проявил чрезмерную осторожность, предполагая, что его финансовое состояние не позволяет еще обзаводиться семьей. Когда же свадьба все же состоялась, пришлось стать перед решением вопроса: как же быть с Николаевкой, которая дохода не приносила, а требовала лишь вложений? К тому же приятель, уехавший в Китай, молчал.

В этот период сомнений поступило предложение от богатого помещика Сонцова занять место управляющего большим имением на Украине. Дмитрий Дмитриевич Сонцов учился в университете одновременно с отцом. Во времена студенчества они встречались и оценили друг друга. Окончив университет, Сонцов жил в своем имении под Курском, не очень большом, но кокетливом; другое же имение, огромный ломоть необработанной земли, на котором собственно и усадьбы почти что не было, простирался где-то на юге, в степях. Сидел там мелкий приказчик, который не умел взяться за дело и доходов не высылал. Это печальное обстоятельство и толкнуло Сонцова на мысль, что на Украину надо посадить не полуграмотного служащего за 50 рублей в месяц, а ученого агронома, который мог бы развить большое хозяйство,— дать этому агроному приличное жалованье, широкие права и заинтересовать его в поднятии доходности имения.

Отец колебался. С одной стороны, тянуло на просторе развернуть свои знания, с другой — жаль было похоронить молодость в глухом степном углу. И не лучше ли оставаться в Николаевке, хоть бездоходной, но своей, чем идти в управляющие к чужому помещику, хотя бы и показавшему себя порядочным человеком? Но Сонцов обещал не вмешиваться в управление имением, Николаевка же снова и снова требовала денег,— решили попробовать поехать года на три. Продали Николаевку, поехали — и остались на всю жизнь.

5

Имение Сонцовка, поверхностью в шесть тысяч с лишним гектаров, находилось в Екатеринославской губернии, Бахмутском уезде,— имена, ныне отошедшие в прошлое. Если над Азовским морем, в частности над Мариуполем, восстановить стокилометровый перпендикуляр, то мы очутимся в нескольких километрах от нее. Родители ехали по железной дороге до станции Константиновка, что на магистрали, тогда еще не законченной, Харьков — Ростов, а оттуда шестьдесят километров на лошадах. Была еще станция Юзовка⁶ (впоследствии Сталино) в сорока километрах от Сонцовки, но по каким-то соображениям Константиновку предпочитали.

Когда весной 1878 года таратайка, запряженная четверкой, везла родителей в Сонцовку, их поразила красота цветущей степи. Я помню

«Подруга моей матери так описывает ее: ...Манюша не была красива: у нее был вздернутый носик, припухшие губки, верхняя челюсть немного выдавалась, волосы были прямые и стриженные»

этот край четверть века позднее: и тогда еще в одном Сонцовском имении оставалось несколько десятков, а может, и вся сотня гектаров целины — степи, не тронутой плугом; в конце апреля, в мае она пестрела тысячами полевых цветов, а позднее, летом, высоко вставали седые ковыли. Раньше же, во времена таратайки, целины было во много раз